

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *Т. Масленникова*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Цвет мести — алый : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-102726-1

Маша Белова и ее подруга Марина привыкли ни в чем себе не отказывать! Вот и в этот раз они, утомившись после шопинга, устроились за столиком своего любимого кафе. Но приятное времяпрепровождение неожиданно закончилось кошмаром — кто-то застрелил вышедшую на крыльцо Марину! Маша уверена: на самом деле убить хотели ее... Следователь Горелов сразу почувствовал особый интерес к этому делу: его жена Рита, так же, как и Маша Белова, ушла к более успешному и богатому мужчине. А тут выяснилось, что за спиной погибшей девушки стояла... Рита! Неужели истинной целью преступника была именно она? Или этих женщин, променявших любовь на деньги, объединяет что-то другое?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г. В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102726-1

Она курила в открытую форточку, забыв зашторить окно. Она никогда его не зашторивала, никогда не стеснялась, разгуливая по квартире голышом.

— А если тебя кто-нибудь увидит? — возмущенно шипел он всякий раз, нервно задвигая тяжелую ткань портьер.

— Кто? — смеялась она в ответ. — Днем из-за тюлевой занавески ничего не видно. — Ночью... Ночью за мной наблюдать некому, разве что тебе. Ты же любишь смотреть на меня? Скажи, любишь?

Он слабел, падал духом и уже не помнил, с чего вдруг начался этот неприятный разговор, каждый раз оставляющий в душе чувство саднящей досады. Суть проблемы он не помнил, это так. А осадок всегда оставался. И он потом ходил с ним, как с тяжелым камнем за пазухой, боясь признаться в том, что немного сердит на нее. За что — не помнит, но сердит.

— Эй, детка, — тихонько позвал он ее с дивана, перевернулся на живот, подпер подбородок скомканной подушкой. — Тебе не холодно? Иди ко мне, согрею.

— Грелись уже! — ответила она вдруг непривычно злым голосом и глубоко затянулась, тут же выпустив клубок дыма в форточку. — Ты — идиот, ты об этом знаешь?

— Нет. — Он напряженно затих, потом хмыкнул, не дождавшись объяснений. — С чего это вдруг я стал идиотом? И прекрати курить, наконец! Это... Это вредно!

— Вредно быть засранцем. Таким, как ты, например.

Она швырнула вниз окурочек, захлопнула форточку, аккуратно расправила складки на занавеске, но зашторить окно и не подумала. Прошлась по комнате, мягко, красиво, как большая породистая кошка. Остановилась возле дивана, где он лежал, не шелохнувшись, в ожидании объяснений. Внимательно осмотрела его всего, начиная от лохматой макушки и заканчивая пятками.

— И зачем я с тобой связалась, ума не приложу! — со стоном опустила она на край дивана, положила ладонь ему на спину, между лопаток, погладила. — Мало мне в жизни проблем?

— Я не проблема, — шепнул он, переворачиваясь. — Я — твой любимый мужчина!

Она наклонилась, скользнув губами по его щеке, шее, груди, застонала едва слышно, шепнула что-то неразборчивое.

— Я не слышу, — тоже шепотом отозвался он, думать становилось все сложнее, его разум и тело в такие минуты переставали жить в ладу между собой. — О чем ты, детка?

— Отшлепать бы тебя, идиота! — чуть громче отозвалась она, он пододвинулся, она улеглась рядом. Совсем не больно укусила его за мочку уха. — Да больно уж ты хорошенький, и тут, и тут, и вот тут тоже... Ты хотя бы понимаешь, что натворил?

— Что?

Он чуть приоткрыл глаза, взглянул на нее. И снова, как всегда, судорожно глотнул воздуха.

Боже, какая же она красавица! Других таких просто нет и быть не может! Какое же это счастье, что она — его! Он может смотреть на нее часами, может целовать, любить ее, гладить ее тело. Он обожал ее расчесывать, блажь, конечно, но — обожал. Рассыпал по плечам, спине ее волосы, путал их, а потом разбирал на прядочки, осторожно проводя по ним гребнем с редко расположенными зубцами.

— Ты красавица. И я тебя очень люблю! — Он обнял ее, потащил на себя.

— Любит он! — фыркнула она, но уже не зло, скорее с печалью какой-то или даже с усталостью. — Мне из-за твоих фокусов оторвут башку когда-нибудь. Не смейся, так и есть! Это проблема, да! И мне из-за тебя когда-нибудь точно...

— Тс-сс... — он накрыл ее губы своими, целовал ее долго, жадно. Когда оторвался от ее рта, еле выговорил: — Если кто-то и оторвет тебе твою милую головку, то только я!

— Почему? — Ее ускользящий взгляд немного оживило изумление. — Почему ты?

— Потому что я устал тебя делить, милая. Просто устал!!!

ШАБА 1

Дождик, дождик — кап, кап, кап, намочил дорожки...

Из далекого-далекого детства, из того невероятного, с каждым днем все сильнее стирающегося из памяти счастья вдруг всплыл этот стишок. Почему? Дождя не было, а этот стишок она всегда именно в дождь вспоминала. А сейчас все наоборот, и непривычно яростное для конца октября солнце жгло ей макушку. Пахло разогретым асфальтом, преющей, в кучку сметенной у бордюра листвой, и еще городской суетой пахло.

Скажете, нет такого запаха, не существует его? Ага, как же! Существует, существует, да такой, что ни одному парфюмеру не под силу его воссоздать. Тонкий аромат духов отпрянувшей в испуге блондинки накрыло ванильно-шоколадным облаком, вырвавшимся из дверей кофейни, из которой, кстати, она сама минут десять тому назад выбежала. Все тут же растворилось в выхлопе примчавшейся «неотложки», поверх лег слой грубой сигаретной вони суетившихся оперативников. Припечатало эту смесь резким и будто бы дорогим парфюмом, исходившим от гомонившей толпы, потом — мазок солярочной во-

ни от огромного пятна, растекшегося прямо аккурат возле Маринкиной головы и...

Дождик, дождик — кап, кап, кап, намочил дорожки.

Да что же это такое! Отчего эта строчка к ней пристала? Ну не могла же она, в самом деле, слышать стук капель ее крови, как в детстве слушала барабанную дробь дождя?! Капель-то не было, была огромная мерзкая багровая лужа, увеличивающаяся с такой стремительностью, что казалось: она вот-вот перекроит соляничное пятно, вонявшее так отвратительно, что заглушило все запахи вокруг.

Нет, капель не было. Если бы кровь вытекала из Маринкиной раны по капельке, она тогда могла бы надеяться, что ее подруга выживет. Что она проваляется на больничной койке недельку-другую, в аккуратной марлевой шапочке, да и встанет потом на ноги. Пусть она и постонет, и повредничает, и пусть без конца смотрится в зеркало, поноет, какой она стала уродиной, примется гонять ее по аптекам, парфюмерным магазинам, начнет изводить ее своим брюзжанием — пусть! Потом-то она возьмет да и выздоровеет. И они снова заживут как прежде. Примутся вдвоем метаться по распродажам, делая короткие передышки в кофейнях. Начнут ходить на дневные сеансы в кино. Станут посещать одного и того же массажиста, косметолога, парикмахера, прыгать с диким ржанием в один бассейн. Вновь начнут сплетничать — беззлобно — о знакомых и не очень людях. И дуться друг на друга, а как же без этого — без этого нельзя, живые ведь люди, обе...

Господи, живые! Маринка, она же... она же теперь мертвая, да?!

— Господи-и-и-и!

Из горла пополз, царапая слизистую, странный затяжной сип. Сип этот вдруг хватко подцепил все содержимое ее желудка и поволок его наружу. Кажется, ее сейчас стошнит.

— Господи-и-и-и! Марина-а-а-а, миленькая моя-я-я-я...

— Эй, док! — рывкнул кто-то над самым ее ухом, кажется, тот тип, с запахом резкого дорогого парфюма. — Дуй сюда! Нашей фигурантке совсем худо!

А вот это — настоящая брехня. Ей пока что не худо. Ей пока никак. Она пока просто сидела, широко расставив ноги с плотно сведенными коленками, на разогретом, пахнувшем горячей пылью и соляровкой асфальте и тупо наблюдала за тем, как под Маринкиной головой расплзается мерзкая багровая лужа.

Тошнота вот только ее донимала. Говорила же она подруге, что крем в пирожных отдает кислятиной и они запросто могут отравиться! Та хихикала и намекала на ее интересное состояние. Мол — ты, наверное, беременна, а сама на кондитеров грешишь! Но она же знала, что ни о какой беременности и речи быть не может. Во-первых, она тщательно следила за этим, а во-вторых, Алекс был категорически против. Вопреки воле мужа она пойти не могла, как бы ни хотела.

Кто-то больно ухватил ее под мышки, резко вздернул вверх и попытался поставить ее на ноги. И чего добился? Она ватной куклой повисла в его сильных руках, кажется, все тех же, пахнувших дорого и резко. Согнулась в пояснице и принялась блевать прямо себе и ему под ноги.

— Твою мать!!! — взревел ей на ухо ее доброволь-

ный помощник. — Эй, док, твою мать! Я кому сказал, что ей херово?! Оглох, что ли?!

— А кому тут хорошо? — меланхолично отозвался молодой малый в мятом белом халате и сморщенной докторской шапочке. — Меня и то мутит, мозги-то аж на стенах повисли!

Она машинально проследила за его жестом, конечно же, увидела то, от чего даже врача замутило, и ее снова стошнило прямо под ноги им обоим — и ей, и ее спасителю.

— Да что же это такое-то, а! — зарычал тот так, что у нее в глазах потемнело, хотя вряд ли от этого, впечатлений и без его рыка хватало за глаза. — Девушка! Встаньте хотя бы прямо!!!

Легко сказать! Она еле шевелила руками и ногами, как проткнутое огромной иглой насекомое. Вроде и хотела она быть сильной и значительной, но не получалось. Застыдилась даже в какой-то момент своих вывернутых стоп и рук, сильно выпроставшихся из задранных рукавов курточки.

— Не могу-у-у-у! — Все тот же сип царапал ее горло. — Стоять не могу-у-у-у...

— Понял. — Кажется, он кивнул, что-то жесткое и колкое коснулось ее щеки, наверное, его подбородок. — Давайте сделаем так...

И он поволок ее, как обмякший манекен, куда-то в сторону от деловито снующих вокруг ее Маринки людей в резиновых перчатках, куда-то за машины, подальше от ее подруги, распростертой на асфальте перед входом в кофейню.

Господи, знала бы она, бедная, как станут ее трогать, лапать, ворочать, задирать на ней одежду, — сто процентов предпочла бы утонуть в прошлом году на

море. Ведь тогда Маринку, заплывшую по пьяной лавочке в пятибалльные волны, едва спасли.

«Ой, как представлю, что меня вылавливают через неделю — всю раздутую, с выпученными глазами, со сползающей чулком кожей... Бр-рр-р, лучше сгореть!!!»

Это Маринка, уже ближе к вечеру окончательно протрезвев и окрепнув от пары пол-литровых чашек кофе, так рассуждала. Тряслась всем телом и рассуждала, как предпочтительнее ей стоило бы умереть, чтобы не выглядеть безобразно. Она тогда кутала подругу в теплый халат и плед, обнимала, гладила ее по голове и все время ласково приговаривала: «Бедная ты моя, бедная, бедная ты моя дурочка...»

Они тогда обе изрядно перепугались и суеверно не подходили к полосе прибоя все остававшиеся пару дней отдыха.

«Курицы! — негодовал потом Алекс, когда она, уже дома, все ему рассказала. — Глупые курицы!!! Всего-то и нужно было: не лезть с пьяных глаз в море, которое еще к тому же штормило!!! Не надо провоцировать и искушать судьбу, дорогая!!! Никогда не надо ее дразнить!!!»

Сейчас что же — получается, Маринка что-то такое спровоцировала, отчего выстрелом ей снесло половину черепа?! Поддразнила нечто такое, выступила в роли искусительницы?!

Но как?!

Они забежали, обвешанные пакетами с блузками, парой платьев и футболками, в любимую кофейню поболтать, обсудить покупки, подсчитать моральные — у Маринки из-под носа увели классные джин-

сы — и материальные убытки, ну и заодно выпить кофе и слопать по пирожному.

Все же было как всегда! Как всегда, они заказали по чашке кофе, по куску венского торта, Маринка добавила к обычному заказу еще два шарика лимонного мороженого. Но за это же не убивают!

Они трепались ни о чем, смеялись. Осторожными кошачьими движениями отщипывали крохотными ложечками малюсенькие кусочки торта, жевали их, проглатывали, запивали кофе. В чем суть провокации?!

Она лично заподозрила, что крем в пирожном слегка кислит. Маринка над ней посмеялась. Быстро доела пирожное, вонзила ложечку в поплывший шарик мороженого, с ним управилась тоже достаточно быстро. Потом ей вдруг приспичило покурить.

Может, это?..

Нет, не получается. Маринка курила с пятнадцати лет и бросать не собиралась, невзирая на частое нытье подруги по этому поводу. И, посещая это место, Маринка постоянно выходила на улицу перед входом и курила там.

Все было как всегда, все буквально! Почему же именно ее и именно сегодня убили?!

— Ну! Встаньте наконец! — грубо приказал человек, волоком оттащивший ее за кулисы страшной трагедии, разыгравшейся перед входом в кофейню. — Ну!!!

Повинуясь этому окрику, она встала, опершись о шероховатую бетонную стену дома рукой, чтобы не свалиться. Подышала глубоко и часто, помотала головой, взглянула в лицо своему спасителю, отли-

чавшемуся от всех остальных присутствующих резким дорогим запахом.

Ну, что можно было сказать об обладателе запаха? Запаха, сумевшего «припечатать» собою и тонкий аромат духов перепуганной насмерть блондинки. И шоколадно-ванильный дух из разверзнувшихся дверей кофейни, выплескивающих на улицу праздных зевак. И вонь из выхлопной трубы примчавшейся по вызову «Скорой помощи».

Обладатель был сродни запаху — резким и дорогим. Глуповато выходило со сравнением, зато верно.

Черты его лица были достаточно приятными, и выглядел бы мужчина привлекательным и даже весьма симпатичным, если бы не туго сжатый, синюшного оттенка рот, не сведенные галочкой к переносице брови и не неподъемно тяжелый взгляд больших глаз цвета стылой ноябрьской лужи.

Волосы хорошо подстрижены, аккуратно уложены. Шею сдавливал тугой воротник сиреневой дорогой сорочки, кадык упирался в красивый узел такого же дорогого галстука. Затем она рассмотрела вырез углом на лиловом джемпере, далее шли пуговицы хорошо сидевшего на нем темно-серого укороченного плаща, темные брюки, начищенные носы черных ботинок. Правда, тут она неаккуратно подпортила картину — крохотная клякса ее блевотины попала на ботинок прямо возле петельки для шнурка.

— Простите, — осторожно шмыгнула она носом.

Мужчина проследил за ее взглядом, его туго сжатые губы искривились брезгливой волной.

— Ничего страшного, — спохватился он через мгновение. Взглянул на нее: — Говорить можете?

— Кажется... — Она кивнула. — А... А что говорить-то?

— Для начала — сообщите, как вас зовут, фамилию назовите, полных лет сколько, где проживаете, род занятий. И все то же самое — про вашу подругу. Вы ведь подруги? — выпалил он скороговоркой и тут же поспешил представиться: — Горелов... Горелов Иннокентий Иванович. Так как вас зовут, девушка?

— Меня?

Она шумно сглотнула, тошнота все не давала ей покоя, аж в ушах шумело, но вновь блевать на глазах этого чопорного малого, к тому же такого нарядного, было невыносимо стыдно. Одно дело, когда он находился за ее спиной, другое — когда рассматривал ее в упор. Захлебнешься, но рта не раскроешь, так ведь?

Она постаралась сосредоточиться на ответах, чтобы хоть как-то себя отвлечь.

— Маша. Меня зовут Маша. Мария Николаевна Белова, полных лет — двадцать семь. Алекс зовет меня Мари. И все другие тоже так зовут, и сестра его, и мама, и Маринка... звала иногда. Можете и вы... Хотя зовите, как вам удобнее. Не работаю нигде. Живу дома.

— Очень вразумительный ответ! — фыркнул сердито Горелов. — Послушайте, Мария Николаевна, давайте-ка по порядку. Дом-то ваш где? Только не говорите, что дом — дома!

— Простите. — Она привалилась спиной к бетонной стене, зажмурилась. — Простите, мне все еще нехорошо...

Она услышала, как он едва слышно чертыхнулся. Потом велел ей подождать немного. Быстро вер-